

УДК 94(47).084

doi 10.17072/2219-3111-2024-2-156-167

Ссылка для цитирования: *Рогозный П. Г.* Погромы и грабежи церковной собственности в начальный период Гражданской войны // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 2(65). С. 156–167.

ПОГРОМЫ И ГРАБЕЖИ ЦЕРКОВНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ¹

П. Г. Рогозный

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, 197110, Россия, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

gogozny@yandex.ru

SPIN-код: 9239-5370

Статья посвящена грабежам и погромам церковной собственности в первый год Гражданской войны в России. Тогда разграблению были повергнуты не только монастыри, то и некоторые храмы, так или иначе связанные с неугодными крестьянам помещиками. Современники событий часто не могли объяснить ту жестокость и равнодушие к своим святыням, которые были продемонстрированы православными мирянами при этих грабежах и разгромах. Грабили их в основном местные крестьяне с присоединившимися солдатами. Погромы иногда сопровождалось святотатством, но их нельзя рассматривать как производимые под воздействием большевистской агитации как принято в историографии. Нельзя также говорить об антирелигиозном настрое погромщиков. Крестьяне, учинившие погром монастыря или приходской церкви, могли потребовать с перепуганного священника брать меньше денег за исполнение треб. Причем многих духовенство и монахи знали в лицо, часто это были местные жители. Настоящим разгромам подвергались и считавшиеся богатыми, и самые бедные монастыри. Причем погромы происходили и в национальных окраинах бывшей Российской империи. Вместе с тем, особенно в городской местности, широкие массы народа могли пресечь акции власти, направленные против церковной собственности. Так, громадное количество населения столицы встало на защиту Александро-Невской лавры, однако погромные настроения все же господствовали. Многие, в том числе церковные деятели, считали происходящее крахом славянофильской доктрины о «народе-богоносце», а также то, что «народ восстал против Церкви» и языческое прошлое в нем победило.

Ключевые слова: монастыри, Православная церковь, приходские церкви, погромы, святотатство, крестьяне, солдаты.

«Народ восстал против Церкви», – так описал состояние общества весной 1918 г. анонимный член Соборной комиссии «о большевизме в Церкви» (РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 33. Л. 7 об.). Другой член Собора известный миссионер А. Г. Куляшев примерно тогда же говорил, «что некогда богобоязненный русский народ готов сделаться народом богоборным, объявив войну против Господа Бога. В этом отвратительном явлении страшно то, что переживаемое настроение – не мимолетный шквал, не скоро преходящий вихрь, нет, это гангрена, разъедающая наш организм» (Священный Собор..., 2018–2022, т. 7, кн. 2, с. 1127). А протоиерей Шлеев грустно подытожил происходящие: «Язычество нас захлестнуло» (Священный Собор..., 2018–2022, т. 7, кн. 1, с. 372).

В советской историографии говорилось о начале захвата церковной земли после Февральской революции как о форме классовой борьбы. Причем в ходе этой классовой борьбы постепенно происходил отказ крестьян от религиозной формы выражения своих социально-политических требований [Корзун, 1984]. В постсоветской историографии разгромы и погромы церковного имущества рассматривались в рамках гонений большевиков на Православную церковь. Причем начало этих гонений усматривается даже в политике Временного правительства [Кривошеева, 2012]. В данной работе сделана попытка показать «народный», отчасти «языческий», как тогда говорили церковные деятели, характер этих погромов.

Первые грабежи и погромы собственности, которые можно назвать антицерковными происходили уже в годы Первой русской революции. «В нашей народной среде, – писали в епархиальной прессе 1907 г., – текут две противоположные струи – языческая и христианская. <...> Бесшашанный трактир, неблагоустроенная фабрика и воскресный почти повсеместный рынок – вот бичи народа, они много содействовали в прошлом накоплению того гноя в народной жизни, который в настоящее время так смрадно выливается в грабежах, убийствах, смутах, волнениях» [Белоногова, 2010, с. 125].

После восторженного приветствия Февральской революции, в котором и духовенство принимало участие, скоро все «плохое», случившееся в годы Первой русской революции, начинало повторяться с гораздо более мощной силой. В епархиальной прессе писали о том, что, «когда вожди революции провозгласили принцип передачи земли в руки народа», по России прокатилась волна погромов, где церковное имущество «пострадало кое-где, но пострадало случайно» (Томский церковно-общественный вестник, 1918, 8 февраля). На страницах вестника публиковались размышления о том, что теперь после декрета «об отобрании церковных имуществ»² хищнические инстинкты народа толкают на путь новых погромов, направленных теперь уже против церкви. Нужно ли их бояться? Пойдет ли народ на это? Если бы такие вопросы были поставлены год тому назад, все бы с решительностью отвергли движение против церкви. Но год научил народ многому скверному и в том числе подорвал веру» (Там же).

Захват церковной собственности начался летом 1917 г. Вначале крестьяне просто присваивали монастырские земли и изгоняли из приходов неугодных им священников. Постепенно к концу 1917 г. погромное, антицерковное движение в ряде губерний приняло неуправляемый характер.

В конце 1917 – начале 1918 г. к крестьянам примкнули хлынувшие с фронта солдаты, которые были вооружены и громили все на своем пути. Первые признаки войны гражданской начинали проявляться все сильнее и сильнее. «К смертельной трехлетней войне присоединился не только всеобщий и поголовный голод, пожары, погромы, анархия по всей стране, но и самое страшное, самое черное преступление земли – братоубийственная война», – писали в церковной прессе (Приходский, 1917). «Как черная хмара, как страшная язва, ширится и ползет это преступление Каина по всей земле и кровь невинно замученных и убитых, вопиет от земли на небо <...>» (Там же).

Несмотря на приход к власти людей, которые обещали навести порядок, грабежи и погромы стали еще страшнее, и их становилось больше. Часто в роли бандитов выступали и некоторые люди, которые называли себя «большевиками»; в провинции, да иногда и в столицах, бандита от представителя власти можно было не отличить. Часто убийство священнослужителей, грабежи монастырей, осуществлявшиеся под видом обысков, предпринимались вооруженными людьми, которые являлись грабителями, а иногда уголовниками со стажем и к реальным большевикам часто не имели никакого отношения. Иногда грабежи устраивали до этого, как казалось, вполне «богобоязненные» крестьяне.

Еще в октябре 1917 г. от имени Поместного Собора было решено написать воззвание ко всему «православному русскому народу» с обличением творившихся «безобразий» и активного участия в них самого народа. Воззвание поручили составить Антонию (Храповицкому). На заседании 7 октября архиепископ зачитал его предварительный вариант. Антония потрясла трагедия, случившаяся в Орле в сентябре 1917 г., когда грабителями был на глазах всей семьи убит «уважаемый» священник Григорий Рождественский. По словам владыки, разбойники, убившие священника, бежали, услышав набат. Собравшиеся по этому набату крестьяне, «увидев плавающего в своей крови убиенного пастыря, принялись растаскивать все оставшееся от грабителей имущество осиротевшей матушки, рожь, овес, яблоки – все, что попало под руки» (Священный Собор..., 2018–2022, т. 5, с. 412). От этого потрясающего по цинизму случая Антоний делал выводы «...что не одни только отщепенцы человеческого общества, но чуть ли не целые деревни могут постепенно обращаться в злодеев» (Там же). Многие члены Поместного Собора вместе с Антонием (Храповицким) были возмущены этим поступком крестьян, но не предполагали, что это только начало погромов и грабежей.

Грабили и профессиональные воры. В феврале 1918 г. произошло одно из самых больших ограблений в истории России. Была разграблена патриаршая ризница, она располагалась в пристройке к колокольне Ивана Великого в московском Кремле. Грабили ризницу несколько дней, «забирали, что хотели, уносили в мешках, прятали мешки на кремлевских стенах, потом переправляли дальше... проходил день за днем, ризница стояла опустошенная, уже плавилась, рубились и сбывались драгоценности, а о разгроме никто ничего не знал, пока, наконец, хранитель ризницы не заглянул в нее» (Седельников, 1991, с. 448).

Погромам подверглись многочисленные монастыри, особенно в провинциальной России. Как представляется, грабившие эту некогда церковную собственность, ставшую народной по Декрету об отделении церкви от государства, исходили из двух основных мотивов: первого – что разбойничать в провинции и в малонаселенных пунктах легче и безопаснее; второго – что, как считалось, именно монастыри являются сосредоточением всех церковных богатств.

Характерным и показательным для эпохи Гражданской войны стало дело о реквизициях, обысках и разграблении Спасо-Преображенского монастыря в Старой Руссе Новгородской епархии. Тут соединились официальный обыск и реквизиция, которая частично перешла в грабеж монастыря, с которым, в свою очередь, уже боролись сами новые власти. Как следует из записки настоятеля монастыря епископа Димитрия (Сперовского), а также устных показаний монахов, 2 декабря 1918 г. после ранней обедни в собор монастыря явились три комиссара и по предъявлению ордеров стали производить в монастыре обыск (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 7). Изъяты были разные вещи, принадлежавшие монахам, как-то: серебряные монеты, позолоченные часы, шерстяная фуфайка, чай, сахар, картофель и т.п. При обыске Сретенской монастырской церкви солдаты, делавшие обыск, «разгромили всю без остатка» библиотеку бывшего настоятеля монастыря архимандрита Амвросия. Такое внимание, проявленное солдатами к книгам, объясняется способом их хранения: библиотека хранилась «в заколоченных ящиках» (Там же. Л. 7 об.).

Однако настоящий грабеж в монастыре начался, когда в монастырском подвале обнаружили хранившиеся там в бочках съестные припасы: капусту, огурцы, свеклу и т.п. Комиссары по «просьбе наместника монастыря» приставили стражу к подвалу и взяли себе ключи, но это «делу не помогло». 3 и 4 декабря солдаты проникли в подвал «со стороны кладбища, сквозь разломанные окна» и «расхитили почти все припасы» (Там же). Через несколько дней осуществлявшие обыск комиссары и солдаты нашли хранившееся в монастыре оружие. Как написано в отчете, «особое внимание было обращено» на обнаруженное при обыске в нижнем этаже Преображенского храма имущество бывшего Вильманstrandского полка, хранившееся в монастыре по просьбе «командира полка генерала Полянского» (Там же). Когда эти вещи принимал монастырь на хранение, настоятелю было объяснено, что в ящиках находится церковное имущество полка. (В каждом полку старой армии должна была быть оборудована полковая церковь.) Но при вскрытии ящиков оказалось, что там, кроме церковных вещей, хранилось «много экземпляров старого поломанного разнокалиберного оружия, взятого в разных сражениях у неприятеля» (Там же). Увидев это оружие, солдаты и комиссары, проводившие обыск, «стали кричать, шуметь, угрожать наместнику, ругать монахов, кощунствовать, курить и браниться матерно в самом храме». (Там же) После этой находки ризничий монастыря был арестован и отправлен в местную ЧК.

Все полковое серебро было изъято, «а остальные вещи разбросали по полу». Арестованный «в тот же день» генерал Полянский³ показал, что в заколоченных и опечатанных пломбою ящиках вместе с церковным имуществом хранились и музейные вещи – военные трофеи полка, и что ни монахи, ни настоятель об этом не знали (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 12. Л. 8). «Эти показания изменили к лучшему отношение советских властей к монастырю», – писалось в докладной записке. Ризничего выпустили из-под ареста. В монастырь приехал председатель Чрезвычайной комиссии Воронов и лично изъял все серебряные вещи, предварительно переписав их, и выдал «наместнику копию». Кроме того, в записке описывались кощунства, произведенные солдатами при обыске и грабеже монастыря, при этом отмечалось, что сам Димитрий (Сперовский) в первый день обыска был «в отъезде». После того как в монастырь прибыл председатель

ЧК, очевидно, осмелели и монахи и начали подавать жалобы. Вернули часть денег, похищенных у монахов, «были приняты меры к прекращению грабежей, но, к сожалению, такие меры оказались поздними» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 23. Л. 9).

Хуже были дела в Ионо-Отенском монастыре Крестецкого уезда. Там по сообщению Новгородского епархиального совета местные власти реквизировали все хозяйство. Были вывезены коровы, лошади, орудия обработки земли, отняты также все «сельскохозяйственные здания», еще раньше от монастыря была отобрана вся земля. Однако это считали недостаточным и взяли «всю мебель и обстановку», а также все имеющиеся деньги в размере 4125 руб. Церковным властям сообщали, что ограблением монастыря занимался Губернский земельный комитет, а вся собственность монастыря «отдана в управление рабочему Николаю Федорову». Крестьянам не понравилась такая самовольная деятельность Земельного комитета, местное население в количестве 300 человек написало протест против закрытия монастыря и образования вместо него «рабочего квартала» (Там же. Л. 11).

В новогоднюю ночь с 1917 на 1918 г. местные жители Курской губернии сожгли усадебный дом помещицы Тучковой, а заодно и местную церковь «Всех скорбящих радости». Как писали в местной прессе: «Толпа неистовствовала, кричала, радовалась, веселилась <...> и несколько невзирая на то, что горит дом Божий, горит Пречистое Тело Христа Спасителя, горят св. иконы, горит то, что утешало их скорби...» (Курские епархиальные ведомости, 1918, с. 5).

В сентябре ограбили Китаевскую пустынь Киево-Печерского монастыря. Преступники – молодые люди 18–20 лет – были вооружены револьверами и кинжалами и пытали настоятеля пустыни архимандрита Онисифора, прижигая ему пятки («Приспело время подвига», 2012, с. 183–184).

В октябре того же года в Псковской епархии расквартированные солдаты и местные крестьяне разграбили и разгромили Николаевскую женскую общину. По словам начальницы общины, солдаты и крестьяне «громилы» входили в церковь и «алтарь в шапках и сквернословили» (Там же, с. 195–196).

Случай разгрома местными крестьянами Одигитриевского мужского монастыря в Белебеевском уезде Уфимской епархии в начале ноября 1917 г. был настолько вопиющ, что на нем следует остановиться особенно (Разгром монастыря, 1917). Крестьяне трех окрестных деревень в течение нескольких дней громили монастырь, вначале растащили все имущество, даже косяки, рамы и двери, потом разгромили все храмы. «Все иконы на стенах и в иконостасе были разбиты и истоптаны ногами, крест с предстоящими был изрублен и осквернен нечистотами» (Орловские епархиальные ведомости, 1918, № 2, с. 53). Интересно, что неразграбленным остался один храм, на защиту которого встал солдат-мусульманин и, по словам автора статьи, произнес: «Что вы делаете, Бога хотите грабить? Не пушу, кто первый полезет, смерть получит» (Там же). В прессе подчеркивалась национальность погромщиков – «русские крестьяне». Интересно отметить, что, зная о погроме, братия монастыря вышла навстречу крестьянам крестным ходом с иконами, но православные крестьяне, «не снимая даже шапок», кричали: «Мы не признаем ничего, а пришли грабить монастырь» (Там же). Во время погрома игумен монастыря о. Андриан был в отъезде. Приехав обратно, он был поражен его видом. По его словам, все здания разгромлены, окна выбиты, косяки и простенки выломаны, полы и потолки выдраны <...> иконы топтали ногами и вымазали нечистотами...» (Томский церковно-общественный голос, 1918, с. 3). Даже в смутное время революции и Гражданской войны случай погрома монастыря в Уфимской епархии был событием экстраординарным, и о нем писали в разных изданиях. Уфимский преосвященный Андрей (Ухтомский) после этого погрома печатно выразил благодарность мусульманину, вставшему на защиту православной святыни. Он также отлучил от причастия всех «воров и грабителей, участвовавших в погроме» (Известия по петроградской епархии, 1918, № 7, с. 4). Еще ранее, до разгрома монастыря, епископ, как показали события, безуспешно обращался к своей пастве с требованием прекратить продолжающиеся в епархии погромы и грабежи (Андрей, епископ Уфимский, 1917, с. 567).

Также разгрому, правда, не такому большому, подвергся женский Ливенский Марие-Магдалинский монастырь Орловской епархии. По словам местной прессы, он начал сталки-

ваться с «враждебными набегами местного населения» с осени 1917 г. (Орловские епархиальные ведомости, 1918, № 5-6, с. 130). Так, 4 ноября представители сельского комитета местных деревень «удалили солдат, охранявших монастырь», и заявили настоятельнице, что теперь сами будут управлять монастырем, но и после этого «враждебные отношения крестьян к монастырю не прекратились» (Там же). Очевидно, что ключи от монастырских амбаров оставались у монахинь, так как собравшийся в декабре сельский сход постановил эти ключи отобрать, причем ограблению подвергся и монастырский хутор, находившийся в пяти верстах от монастыря. Крестьяне деревни Марьиной забрали оттуда весь находившийся там рабочий скот: 22 волов, 20 лошадей, 3 дойных коровы, 39 овец и т.п. «Наконец, – как писали в прессе, – 19 января монастырь был окончательно разграблен» (Там же, с. 131). Вооруженная толпа крестьян грозила убить настоятельницу, и та, «передевшись, задним ходом» убежала. Собравшаяся толпа расхитила все имущество, «оставшееся от прежних погромов» (Там же).

В ноябре 1917 г. произошли разгром и ограбление Софрониевой пустыни Курской епархии. Ограбление началось довольно «оригинально». Вся братия и посторонние богомольцы, общим числом «до 250 человек», были заперты в храме, где в то время шло богослужение. Налетчики общим числом 16 человек были как в солдатских шинелях, так и в «штатском костюме». (Курские епархиальные ведомости 1917. № 41-42, с. 431.) Из монастырского казнохранилища были похищены деньги и ценные бумаги. Из кельи настоятеля – все имевшиеся денежные суммы, а также три ордена и два наперстных креста, один из которых золотой. Грабители также рылись в одном из алтарей монастырской церкви, разбили свечные ящики и похитили оттуда деньги, прихватили с собой и пишущую машинку. Кроме того, налетчики устроили форменный разгром обители, разбросали, разорвали и изломали то, что не могли унести. Уходили грабители тоже оригинально – на захваченных ими монастырских экипажах, четырех монастырских лошадях и «на своих дрогах». И монастырские экипажи, и лошади были «бандитами брошены на произвол судьбы близ с. Тетькино в 10 верстах от пустыни» (Курские епархиальные ведомости, 1917, № 41-42, с. 431–432). По «счастливой случайности», – как сообщало епархиальное издание, – никто из богомольцев и монахов не был убит (Там же). Причем спустя совсем небольшое время в этой же Курской епархии были ограблены и разгромлены еще два монастыря. «Тяжелый убийственный кошмар стоит над нашими монастырями», – писали в церковной прессе. «Под постоянным, вечным страхом: вот-вот придут, ограбят и убьют, живут заброшенные на произвол судьбы наши иноки и инокини» (Там же, с. 454).

10 декабря 1917 г. настоятелю Белогорской пустыни игумену Мелитону стало известно, что в монастырь должна прибыть «комиссия для описи монастырского имущества». Следует сразу сказать, что до принятия Декрета об отделении церкви от государства любая комиссия, сформированная для описи монастырского имущества, являлась чистым произволом и нелегитимной даже с точки зрения новой власти. Ее можно назвать или чистой самодеятельностью местных революционеров, или обычным бандитизмом. Причем местные крестьяне, узнав об «описи имущества», проявили трогательную классовую солидарность с местными «революционерами» и организовали стражу из своей среды в количестве 6–10 человек, которая следила бы за тем, чтобы монахи ничего из монастыря не вынесли. Вскоре прибыла и комиссия в количестве «до 10 человек», которая «повышенным тоном и не без угроз» заставила отворить все двери для описи (Курские епархиальные ведомости, 1918, № 41-42, с. 455).

Видимо и у руководства монастыря начало складывается впечатление, что члены этой комиссии не представители власти, а самозванцы, и настоятель монастыря отказался показать монастырское имущество. Комиссия «рассердилась», но вынуждена была уехать, пригрозив монастырю Военно-революционным комитетом. Вскоре после этого уже вооруженная толпа начала стучаться в монастырские ворота. Монахи их впустили, одного, видимо, особенно протестовавшего монаха Софрония вооруженные люди убили, а монастырь подвергли форменного разгрому и грабежу. Забрали не только наличные деньги, но и чайный, столовый сервизы и даже шубу настоятеля, при этом тяжело ранили «ни в чем неповинного» монаха о. Гемогена. Разграбив даже кельи монахов, «комиссия» запрягла монастырских лошадей и уехала (Там же).

Тогда же в декабре 1917 г. подвергся разграблению и беднейший в епархии Львовский Знаменский женский монастырь. Шайка грабителей в числе семи человек, из коих пять человек были в солдатской форме и вооруженные, потребовали с настоятельницы 10 000 руб. Таких денег в монастыре не было, тогда вооруженные люди забрали, что есть. Из кельи настоятельницы, кроме небольшого числа денег, они взяли золотые часы – память о ее отце. Однако полный осмотр монастыря мало дал, и грабители заявили, что этот монастырь совсем безденежный. Так сказали они в утешение сестрам. Покинули монастырь грабители на монастырских лошадях, разочарованно заявив: «Лошадей ваших, которых мы запрягли, невдалеке бросим: на них далеко не уедешь» (Там же, с. 457).

Сложность ситуации Гражданской войны заключалась в том, что солдата, крестьянина, представителя революционной власти и простого разбойника часто было не отличить. Понятно, что до признания патриархом Тихоном легитимности Советской власти в 1919 г. любую инициативу властей, чаще всего местных, например, такую как наложение контрибуций или так называемую реквизицию, церковная власть рассматривала как обыкновенный грабеж. Церковь не признавала большевиков.

Показательно что иногда некоторые бытовые предметы вначале забирали временно, под расписку, потом реквизировали, а потом просто расхищали. Именно такая судьба была у имущества Александро-Свирского монастыря, документы которого исключительно хорошо сохранились и позволяют увидеть все три формы изъятия монастырской собственности. Перечисление всего имущества, которое отобрали у монастыря, занимает несколько объемных дел, куда дотошные монахи вписывали все, что «одолжили на время», «реквизировали» и «ограбили» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 3. Оп. 8. Д. 4. Л. 2–3).

Показательно, что все три названия встречаются в описании отъема монастырского имущества, и похоже, что их вначале различали, так как в делах монастыря находятся многочисленные расписки о взятии у монастыря свечей для освящения помещений близлежащего полка Красной армии или масла для смазки оружия. Забирали также капусту с монастырского огорода.

Так, из письма председателя местного Олонецкого совнархоза в январе 1919 г. следует, что «полная опись всего монастырского имущества еще не произведена», однако «производится расхищение имущества» (Там же. Л. 2). Судя по письму, производил грабеж расквартированный в монастыре 170-й полк, который при передислокации в другое место просто увез с собой монастырские вещи. Грабежом монастыря занимались и представители «Алексеевского Волостного Комиссариата», а также просто «граждане», которые забрали 30 пудов овса, принадлежавших монастырю. Местный совнархоз считал «подобные явления расхищением и непланомерным пользованием общенародным достоянием» (Там же). Причем 170-й стрелковый полк брал вещи под расписку и самовольно, без нее. Наивные монахи, начиная с 1918 г., составляли описи вещей с надеждой, что их вернут или, по крайней мере, каким-либо образом компенсируют. Очевидно, что цитируемое выше письмо председателя местного совнархоза, который и отвечал за экономические вопросы в уезде, не возымело действия.

Грабежи имущества монастыря продолжались. Тогда председатель совнархоза в феврале 1919 г. информировал персонально граждан Луначарской волости, деревни Александро-Свирской слободы и других ближайших деревень, а также солдат, что отныне все имущество и хозяйство Александро-Свирского монастыря переходит «в ведение и распоряжение Олонецкого Уездного Совета Народного Хозяйства» (Там же. Л.4.) Также сообщалось, что «воспрещается делать какие бы то ни было набеги на монастырь как за хлебом, так и вообще за монастырским имуществом» (Там же). Таким образом, представитель советской власти признал, что главная опасность монастырю исходит от местных крестьян и солдат. Ввиду того, что грабежи продолжались не только красноармейскими частями, но и местным Комитетом бедноты, в 1919 г. совнархоз постановил на основе монастыря создать советское хозяйство, а оставшихся монахов привлечь к работе, а виновных в расхищении имущества «привлечь к революционному суду» (Там же. Л. 5).

Вообще создание советского хозяйства становилось единственной возможностью выжить для монастыря. Современный историк справедливо пишет о том, что, только «объявляя себя

трудовыми коммунами и артелями, монахи и монахини могли остановить разграбление монастырей крестьянами, не контролируемые ими реквизициями различными ведомствами и военными; при помощи этого они также стремились оградить себя от обвинений в «контрреволюционности» и репрессий властей» [Редикина, 2004, с. 134]. Другая исследовательница удачно называет это обстоятельство «лазейкой», позволяющей монастырям некоторое время существовать при новой власти [Дубовка, 2020, с. 45].

Грабили монастыри не только крестьяне и солдаты, но и рабочие. Так, при вооруженном ограблении брянского Свенского монастыря, одного из грабителей удалось поймать. Вечером в начале октября 1917 г. четверо вооруженных грабителей проникли в монастырь, захватили одного из монахов и потребовали от него вести их к настоятелю монастыря (Орловские епархиальные ведомости, 1918, № 44-45, с. 441). Там они захватили шкатулку с деньгами, а настоятеля игумена Гервасия смертельно ранили. Однако этого грабителям показалось мало, и они, выйдя в монастырский двор, задерживали всех проходивших мимо монахов. Там они задержали казначея монастыря, у которого нашли 300 руб. денег и ключи от кладовой. Вскоре монахам на помощь пришла милиция, и в завязавшейся перестрелке один из грабителей был ранен и задержан. Он оказался рабочим брянского завода Михаилом Безсоновым, у него были найдены револьвер и часть монастырских денег (Там же, с. 412).

Историк П. Н. Зырянов в своей книге, посвященной монастырям, резонно предположил, что еще в первой половине 1917 г. «в обстановке нарастающего хаоса обер-прокурор Синода, надо думать, не имел полной информации с мест» [Зырянов, 1999, с. 276]. Потом ситуация с информацией в разы ухудшилась. Так, при сплошном просмотре дел канцелярии патриарха выходит то, что о некоторых погромах власть, видимо, не знала или узнавала из прессы. По мере расширения географии Гражданской войны иногда даже патриарх не знал точно, кто управляет некоторыми отдаленными епархиями. Если ориентироваться на прессу – как церковную, так и светскую, – то максимальное число случаев грабежей и погромов, в том числе и церковной собственности, приходится на конец 1917 – начало 1918 г. Правда, следует отметить, что уже в 1918 г. ввиду властного запрета так называемых буржуазных газет и фактически прекращения выхода церковных изданий мы имеем гораздо меньше информации в целом.

Епископ Павел (Борисовский) в 1918 г. именовал в письме происходящие события «церковно-народным безвременьем» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 43. Л. 14 об.). А в декабрьском номере «Владимирских епархиальных ведомостей» в статье с говорящим названием «Ужасы времени» писалось: «...мы ждали движения вперед, но получили разложения, движение вспять, к давно пройденным и звериным временам. <...> Пришла не революция всего человечества в светлых ризах вселенской правды и мира, но воскресло в кровавом бунте, мятеже и убийстве древнее русско-татарское воровство» (Владимирские епархиальные ведомости, 1917, № 51-52, с. 395).

Для крестьянского настроения эпохи революции и Гражданской войны показателен случай, произошедший в селе Добруни Севского уезда Орловской губернии. Это дикое по своей сути происшествие было зафиксировано в ноябре 1917 г. В Орловском церковном журнале был помещен рассказ местного священника, который хорошо характеризует нравы народа – по его словам, «богоносца». Там местными крестьянами было не только разграблена усадьба, но и сожжена, как писалось, домовая церковь, предварительно ограбленная. Церковь оскверняли особенно «старательно», причем, по словам священника, «свободолюбивые православные», что не смогли унести, разрубили топорами, потом раскопали могилы «погребенных тут же у церкви» помещиков Подлиневых, и на эту «трагико-вахханалию» пригласили местного священника Синайского. Труп владелицы усадьбы истлел и «был разбросан по разным местам», а труп мужчины сохранился, так как, по словам священника, был «набальзамирован и недавно еще схороненный (2 год)». Его раздели «до гола» положили на солому «терebили, выдирали усы», били палками, а потом подожгли, причем радовались и говорили: «как свинью подпалили». Перепуганного священника крестьяне не тронули, а только после прогнали. Прогоняя его, они заявили: «Ты много берешь <...> а теперь народная воля, убирайся из прихода, другого найдем» (Красин, 1918, с. 150–151).

Данный случай имел продолжение, так как вскоре причт церкви в лице сторожа и церковного старосты прибыли и осмотрели место разгрома (Орловские епархиальные ведомости, 1918, № 3-4, с. 95). Церковь оказалось закрыта на замок, но в двери проделана значительная дыра, в которую проникали устроившие погром местные крестьяне. Староста церкви и сторож увидели ужасную картину разрушения, произведенного в храме. Пол в церкви покрыт разломанной и разбросанной церковной утварью, разорванными книгами и залит лампадным маслом. С икон на иконостасе сорваны венки, как и лампы от икон. С престола и жертвенника сорваны одежды, на самом престоле лежал разбитый киот от иконы. Все шкафы, имевшиеся в церкви, были разбиты и поломаны, одежда, в них находившаяся, разорвана и разбросана. Самые ценные иконы, в том числе в серебряных окладах, оказались похищены.

Когда причт разгромленной и оскверненной церкви рассматривал следы погрома, туда «за добычей» явились «молодые солдаты в шапках», которые отказывались их снимать и всячески «глумились над причтом» (Там же, с. 96). Таким образом, оставалось неясным для причта, кто разграбил оскверненный храм, – крестьяне, выкопавшие из могил останки помещиков и разгромившие усадьбу и храм, или солдаты, воспользовавшиеся учиненным разгромом и пришедшие уже только «за добычей», да и вряд ли это было важным для него. Можно предположить, что такое обращение с полусгнившими останками помещиков Владимира и Анны Подлиневых было изощренной мстостью крестьян, этой же мстостью можно объяснить и разгром церкви, которую построили эти помещики⁴.

Почти во всех погромах участвовали лица в солдатской форме. «Озверевшие толпы солдат, опасны не для врага, а для нас», – писали в церковной прессе. Еще до заключения мирного договора, предвидя, что их путь домой, в частности, лежит через приграничную Смоленскую губернию, неизвестный автор статьи в епархиальной прессе боялся, что «уже теперь отдельные лица из солдат или в их форме врываются днем с оружием и бомбами на руках в квартиры мирных жителей, грабят, насильничают, убивают» (Смоленские епархиальные ведомости, 1917, № 27, с. 198). Вообще вооруженные солдаты, не подчинявшиеся никакому начальству, казалось, представляли главную угрозу. «Злоба у солдат невероятная», – писали уже в светской прессе, предвещая ужасы «пугачевщины», которая «подготавливается» (Новая жизнь, 1917, 8(21) ноября).

Если описанные выше погромы и грабежи происходили там, где большинство населения считало себя русскими и православными, то погромы были и в так называемых национальных окраинах бывшей Российской империи, где погромщики и не пытались представить себя «русскими». Так, например, в г. Елизаветполе (Гяджа, Кировобад) в начале 1918 г. толпы местного населения, согласно отчету Кавказской синодальной конторы, в буквальном смысле разнесли Николаевскую кладбищенскую церковь. Погромщики «разрушили» иконостас церкви, «уничтожили св. престол», а иконы порезали и порубили «острым оружием (кинжалом)» и разбросали по полу. Сам сторож на удивление уцелел, хотя и был страшно перепуган. По его словам, «грабители» были «мусульманами», которые среди прочего отняли у него одно «ружье и два револьвера» (Рапорт Кавказской синодальной конторы..., 2022, с. 151).

Полностью был разграблен и разгромлен и рыбный промысел Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря в Абхазии. Сам рыбный промысел находился в Ленкоранском уезде Бакинской губернии и приносил монастырю основную прибыль. По словам настоятеля монастыря, его разгромила толпа «татар» (Священный Собор..., 2018–2022, т. 25, с. 162). Это вооруженная толпа «счетом в тысячах», среди которых были и женщины, окружили рыбный промысел. Братья пришлось поспешно бежать и весь день «скрываться полураздетыми в камышах – в болоте и кому, где пришлось». Имущество, принадлежавшее монастырю, по словам настоятеля, «растаскивалось татарами на руках и увозилось на подводах». Разгром продолжался «весь день». Вскоре к грабегам присоединились не только местные «татары» близлежащих сел, но «кочевые татары». «Дикая толпа, по словам настоятеля, обычное явление теперешних печальных дней – сделала свое дело» (Там же, с. 164). Если погром в Елизаветполе трудно объяснить обычным грабежом, то события на рыбном промысле Ново-Афонского монастыря похоже имеют экономическое объяснение.

«Печальный факт – русский народ перестал быть “Богоносцем”», – констатировали в провинциальной церковной прессе (Тамбовские епархиальные ведомости, 1917, № 1, с. 2). «Русский человек в своей массе Бога забыл» – это явление для некоторых было «фактом труднообъяснимым» (Там же). «Старая формула “Святой Руси” больше не выражает жизненной правды», а народные массы больше напоминают «апокалиптического зверя», – считал будущий ректор Московской духовной академии Николай Чепурин (Известия по петроградской епархии, 1917, с. 11).

«Младенцу по вере», – писали Самарские епархиальные ведомости», – дали пищу не только твердую, но намеренно как будто и ядовитую. Газеты и письма в редакцию “Ведомостей” переполнены сообщениями о таких ужасающих фактах, о которых ранее никто и не помышлял» (Самарские епархиальные ведомости, 1918, с. 265).

«Религиозным мародерством» в одной из газет того времени было названо отношение народа к своим святыням. В статье проводится мысль о том, что когда-то русский народ каялся в своих нехороших поступках. «А посмотрите, что сейчас творится на некогда святой, а теперь безбожной Руси! Прислушайтесь к суждениям революционных граждан! Вникните в определение революционных законодателей о религии <...> Все обесценено и опорочено: и св. обители, и св. мощи, и праздники <...>» (Религиозное мародерство, 1918).

Так, Н. А. Бердяев в статье, написанной в то время, отмечал: «В массе народной эта религиозность всегда была полухристианской-полуязыческой. Но и это исконное полуязычество русского народа все-таки религиозно бесконечно выше и благороднее того неверия и нигилизма, которое все более охватывает народ» (Бердяев, 2007, с. 720). О проклятии языческого наследия писал в 1918 г. и известный правовед Н. А. Покровский в знаменитом сборнике «Из глубины». Он традиционно объяснял это тем, что народ кто-то натравил на грабежи. «В то время, как он жаждал мира вообще, ему стали усиленно внушать “войну в тылу”, стали всеми мерами растревать в его душе дух злобы, корысти и разрушения. Ему дали попробовать русской, братской крови... И вот, отравленный ею, он мечется в каком-то безумном отчаянии из стороны в сторону, от одного убийства или грабежа к другому, а они это нравственное отчаяние принимают за социализм!..» (Покровский, 1991, с. 457).

Причем иногда невероятная жестокость и кощунства по отношению к некогда своим святыням были проявлены не сторонами конфликта в Гражданской войне, а вполне, казалось бы, нейтральным населением. Проявленная жестокость, кажется, ничем не мотивирована, однако это представляется ошибочным.

Такие эксцессы были вызваны общим состоянием общества в период Гражданской войны, где авторитет церкви был крайне низок. Безусловно, сыграло свою роль и всяческое оправдание войны, звучавшее с амвонов церковью несколько лет. «Преступной» стали называть эту войну церковные деятели на Поместном Соборе только осенью 1917 г., но было уже поздно. Священник или просто поп, как его называли, идеологически оправдывавший эту «бойню», становился объектом «классовой борьбы». Монастыри, которые, как считалось, только наживались на народном горе, были вторым объектом приложения столетиями копившейся ненависти к богатым после помещичьих усадеб. Можно сказать, что погромы получали идеологическую легитимацию.

Новые власти призывали «империалистическую войну перевести в гражданскую»; этот лозунг имел множество горячих сторонников и был понятен. В условиях Гражданской войны довольно сложно отделить насилие, организованное властями, от «низового» насилия, более спонтанного, документируемого, как правило, жертвами и свидетелями, но не активными участниками. Создается впечатление, что роль организованного насилия властей со временем нарастала. Пропаганда радикальных социалистов – первоначально не столько антирелигиозная, сколько антиклерикальная и эгалитарная – способствовала тому, чтобы часть погромов получала идеологическую легитимацию, при этом порой явно преступные акции приобретали якобы политическое значение.

Однако от разгула преступности и бандитизма страдали и сами большевики. Даже Ленин в 1919 г. стал объектом удачного бандитского нападения.

Вообще тезис «о новом Средневековье», развитый впоследствии Бердяевым, стал в то время популярным. Сравнивая современные нравы со Средневековьем, архиепископ Кирилл (Смирнов) считал, что его время еще хуже XIV в.: «тогда разбойничали на больших дорогах, а теперь и в самой столице; тогда убивали в лесу, а теперь убивают в комнатах, взламывают двери и замки. Это ведь все признаки неслучайные; они идут из глубины народной» (Священный Собор..., 2018–2022, т. 7, кн. 1, с. 901). В то же время говорилось, что церковные деятели должны пойти «навстречу народу», а «не сидеть сложа руки и смотреть, как опустошается душа народа и атрофируется совесть» (Орловские епархиальные ведомости, 1918, № 16, с. 406).

Впоследствии, живя уже за границей, в 1922 г. Максим Горький размышлял о причинах невероятной жестокости русского населения, особенно проявленной в период Гражданской войны. «В русской жестокости, – писал он, – чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нечто тонкое, изысканное». Сам писатель не спешил это объяснить «ядом алкоголя», которым русский народ «отравлен не более других народов Европы». Горький нашел «религиозное» объяснение этому «психозу» и «садизму». Он считал: «можно допустить, что на развитие злейливой жестокости» якобы «влияло чтение житий святых великомучеников, – любимое чтение грамотеев в глухих деревнях» (Горький, 2022, с. 82). По его мнению, тщательное перечисление мучений святых, их пыток и страданий способствовало распространению садистских наклонностей в крестьянской среде.

Что же касается солдат, принявших активное участие в погромах, то среди многих из них, прошедших грубую форму пропаганды на фронте, антиклерикальные настроения были очень сильны. Кроме этого, как представляется, важен был региональный, или локальный, аспект религиозности. Другими словами, они грабили не «свою» церковь и не «свой» монастырь.

Погромы монастырей, убийства приходских священников, поругание и уничтожение своих святынь, самые изощренные формы издевательств над живыми существами, например, сжигание живьем животных, иногда просто ничем не обоснованная агрессия убили на время в обществе любые формы какого бы то ни было славянофильства.

Конечно, погромы монастырей и церквей – важная часть Гражданской войны, а для некоторых ее символ: «народ сам начал громить рассадники мракобесия». Однако были и факты защиты от властей и погромщиком монастырей и церквей. Самый известный случай, когда именно благодаря громадному народному протесту удалось отстоять Александро-Невскую лавру в 1918 г. Именно после этого случая патриарх Тихон выпустил свою знаменитую анафему «всем творящим беззаконие». Постепенно, начиная с весны 1918 г., оформлялось движение людей из активных прихожан для охраны собственности церкви.

Но самое главное, на чем сходились тогда в 1918 г. многие, – «русский народ изменил Церкви и отпал от нее» (Бердяев, 2007, с. 778), язычество, как его тогда понимали, «захлестнуло» бывшее государство, считавшее себя христианским.

Священники и религиозные деятели в годы Гражданской войны объясняли это тем, что религиозность населения была поверхностной, под ее тонким слоем находилась толща языческого сознания. Это язычество и стало причиной разгрома церковного имущества и насилия над священнослужителями.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 20-18-00369-П «Процессы легитимации насилия: культуры конфликта в России и эскалация Гражданской войны».

² Имеется в виду Декрет о земле.

³ Вильманстрандский полк квартировался в Старой Руссе. Очевидно, там же жил и генерал.

⁴ Авторы вступительной статьи к очень интересному сборнику документов по Гражданской войне на юге России пишут, что «Красный террор в отношении Церкви не являлся в собственном смысле репрессивным ответом или мстью, поскольку не имел оснований» (Церковь на Дону..., 2022, с. 33). Это, конечно, не так, элемент мести и сведения счетов со своим классовым противником играл очень важную роль не только во всей Гражданской войне, но и в антицерковных и антирелигиозных акциях после войны.

Список источников

- Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук (СПб ИИ РАН). Ф. 3 (Алекса́ндро-Сви́рский монастырь). Оп. 8. Д. 4. Л. 2–3, 5.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 833. Оп. 1. Д. 33; Ф. 831. Оп. 1. Д. 12, 23, 43.
Андрей, епископ Уфимский. Воззвание к Уфимской пастве // Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 21-22.
Бердяев Н.А. Духовные основы русского народа // Падения священного русского царства. Публицистика. 1914–1922. М., 2007.
Владимирские епархиальные ведомости. 1917. № 51-52.
Горький М. О русском крестьянстве // Горький М. Между дикостью и произволом. Заметки русского писателя. М., 2022. С. 75–94.
Известия по петроградской епархии. 1918. № 7.
Известия по петроградской епархии. 1917. № 44-45.
Красин М., свящ. К статье А. Лебедева «Старый и Новый год» // Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 7-8.
Курские епархиальные ведомости. 1917. № 41-42.
Курские епархиальные ведомости. 1918. № 41-42.
Новая жизнь. 1917. 8 (21) ноября.
Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 2.
Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 3-4.
Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 3-6.
Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 5-6.
Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 16.
Орловские епархиальные ведомости. 1918. № 44-45.
Покровский Н.А. Перуново заклѣтье // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины. Сборник статей о русской революции. М., 1991. С. 443–458.
«Приспело время подвига»: документы Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь. М., 2012.
Приходский В., свящ. Где голос церкви!? // Костромской церковно-общественный вестник. 1917. 15–22 ноября.
Разгром монастыря // Уфимские епархиальные ведомости. 1917. № 23/24.
Рапорт Кавказской синодальной канторы Святейшему Синоду об ограблении Николаевской кладбищенской церкви г. Елизаветполя. 8 (21) февраля 1918 г. // Священный Собор Российской Православной Церкви. М., 2022. Т. 25. С.160-161)
Религиозное мародерство // Оренбургский церковно-общественный вестник. 1918. 1 января.
Самарские епархиальные ведомости. 1918. № 7-8.
Священный Собор Российской Православной Церкви. М., 2018–2022. Т. 5, 7 (кн. 1, 2), 25.
Смоленские епархиальные ведомости. 1917. № 27.
Тамбовские епархиальные ведомости. 1917. № 1.
Томский церковно-общественный вестник. 1918. 8 февраля.

Библиографический список

- Белогова Ю.И.* Приходское духовенство и крестьянский мир (по материалам Московской епархии). М., 2010.
Дубовка Д.Г. В монастырь с миром. В поисках светских корней современной религиозности. СПб., 2020.
Зырянов П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX века. М., 1999.
Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. Минск, 1984.
Кривошеева Н.А. Поместный Собор 1917–1918 гг. и первые гонения на Православную Церковь // «Приспело время подвига»: документы священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг., о начале гонений на Церковь. М., 2012. С. 3–80.
Редикина О.Ю. Сельскохозяйственные религиозные трудовые коллективы в 1917–1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград, 2004.

Седельников В. После обстрела Московского Кремля // Звенья. Исторический альманах. М., 1991. Вып. 1. С. 439–450.

Дата поступления рукописи в редакцию 24.04.2024

POGROMS AND LOOTING OF CHURCH PROPERTY IN THE INITIAL PERIOD OF THE CIVIL WAR

P. G. Rogozny

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodskaya str., 7, 197110, St. Petersburg, Russia

rorozny@yandex.ru

SPIN: 9239-5370

The article explores the looting and pogroms of church property during the first year of the Russian Civil War. At that time, not only were monasteries plundered, but also some temples connected in one way or another with property owners became objects of pogroms. Witnesses of these events were often bewildered by the cruelty and indifference to their shrines that were demonstrated by Orthodox laity during these robberies and defeats. The perpetrators were mainly local peasants, often accompanied by soldiers. While sacrilegious acts sometimes occurred during these attacks, it is inaccurate to attribute them solely to the influence of Bolshevik agitation or anti-religious attitudes of the rioters. Peasants who committed a pogrom against a monastery or parish church could demand from a terrified priest to take less money for fulfilling their demands. Moreover, many of the clergy and the monk were local residents and the attackers knew them. Both wealthy and impoverished monasteries suffered significant losses during these attacks. At the same time, especially in urban areas, the broad masses of the people could stop the actions of the authorities directed against church property. For example, a huge number of the capital's population came to the defense of the Alexander Nevsky Lavra, but pogrom sentiments still prevailed. Many, including church leaders, considered the events to be the collapse of the Slavophile doctrine of the “God-bearing people”, interpreting the population’s actions as a rebellion against the Church and a resurgence of pagan influences.

Key words: monasteries, parish churches, pogroms, sacrilege, peasants, soldiers.

Acknowledgments

¹ The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project № 22-18-00493, implemented on the basis of the St. Petersburg State University.

References

- Belonogova, Yu.I. (2010), *Prihodskoe duhovenstvo i krestyanskiy mir (po materialam Moskovskoy eparhii)* [Parish clergy and the peasant world (based on the materials of the Moscow Diocese)], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia, 176 p.
- Dubovka, D.G. (2020), *V monastyr` s mirom. V poiskah svetskih korney sovremennoy religioznosti* [To the monastery in peace. In search of the secular roots of modern religiosity], Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, 208 p.
- Korzun, M.S. (1984), *Russkaya pravoslavnaya tserkov` na sluzhbe ekspluatatorskih klassov* [The Russian Orthodox Church in the service of the exploiting classes], Belarus', Minsk, USSR, 255p.
- Krivosheeva, N.A. (2012), “The Local Council of 1917–1918 and the first persecutions of the Orthodox Church”, in *«Prispelo vremya podviga»: dokumenty svyashhennogo Sobora Pravoslavnoy Rossiyskoy Tserkvi 1917–1918 gg., o nachale goneniya na Tserkov`* [“The time of the feat has come”: documents of the holy Council of the Orthodox Russian Church of 1917–1918, on the beginning of the persecution of the Church], PSTGU, Moscow, Russia, pp. 3–80.
- Redikina, O.Yu. (2004), *Sel'skokhozyaystvennyye religioznye trudovye kollektivy v 1917–1930-e gody: na materialakh evropeyskoy chasti RSFSR* [Agricultural religious labor collectives in the 1917–1930s: based on the materials of the European part of the RSFSR], Dissertation of Doctor of Historical Sciences, Volgograd State University, Volgograd, Russia, 708 p.
- Sedel'nikov, V. (1991), “After the shelling of the Moscow Kremlin”, *Zvenya. Istoricheskiy almanakh*, iss. 1, pp. 439–460.
- Zyryanov, P.N. (1999), *Russkie monastyri i monashestvo v XIX – nachale XX veka* [Russian monasteries and monasticism in the 19th – early 20th century], «Russkoe slovo», Moscow, Russia, 312p.